Литературная страница

Б. ПОПОВ.

Сварщик

Был сварщик стар, а мне казалось,
что он ровесник мой и брат,
когда его плечей касалось
сиянье огненных цикад.
И этим нимбом окруженный
он был как будто бы факир,
что с вдумчивостью углубленной
в туманный вглядывался мир.
И я смотрел — глаза расширив,
как звезды падали и стыли!
И зависть в голове звенела
и мучила меня и жгла!
А он оканчивал умело
свои обычные дела...

Суздаль

I

Купола повисли в небе.
Купола повисли!
Это небыль — я там не был.
Но откуда? — мысли...
Но откуда этот сон,
Яростный, как радуга,
Этих красок перезвон
Что приходит радуя.
Купола повисли в небе,
Отрешились от земли.
Это небыль, я там не был.
Это выдумка зимы.

II

Как ослепительны до дрожи
Шеломы знойных куполов!
Они и в сумраке похожи
На стяги сказочных полков.
Но колокольное гуденье
Припевом входит в тишину—
И в ночь уходит вдохновенье
Как воин юный на войну!

Растут сыновья беззаботно и вольно
на светлых просторах любимой страны.
И мы улыбаемся вслед им спокойно:
растите до звезд! Подрастайте, сыны!

Фотоэтюд
Н. Амельченко.

Ю. КОСТАРЕВ.

Бессонница

Морщинки режутся, как режутся ручьями
и твердолобый неживой базальт,
и жаждущее материнства поле.
Где этот чудодейственный бальзам,
который успокоит выкрик боли?
Где он, так нужный мрачными ночами
снимающий страдания бальзам?..
Морями горя, мелких ссор ручьями
накатывается девятый вал.
Нельзя сейчас упасть — я не упал...
Морщинки режутся.
Тускнеет к ночи взгляд.
Я не упал. Но как я обессилен!..
А звезды успокоенно горят,
а ветры под ногами пыль взбесили —
все мне наперекор, наоборот!—
Я стыну в забытье — а ночь живет...
Морщинки режутся.
Но солнце режет горы —
и вровень с головой моей встает!
Какого черта! — я иду вперед
и обрываю с сонных окон шторы,
отчаянье и немоту душу,
крушу гнилье проклятое забора —
и утром упоительно дышу!
И подставляю голову под солнце,
И вновь засучиваю рукава:
на шаг вперед подвинула бессоница —
а днем я прошагну уже на два!
И режутся сквозь пыль и ночь трава!..
Морщинки режутся.

В. ПЕТРЕНКО.

НА ВКУС, НА ЦВЕТ...

Клоп клопятам говорил,
когда в ясли уводил:
— Мальчики, не ешьте дуста —
это вредно и не вкусно.
А ему на это мальчики:
— Папа, дай дезинсектальчика.

— 4 —

степь медленно спускалась ночь. Где-то далеко, далеко грохотало. Небо озарялось яркими вспышками. И было непонятно — гроза это или артиллерийская канонада...

В Белорецке отряд Ивана Каширина встретился с отрядом, которым командовал Николай Каширин. Вскоре в Белорецк прибыл отряд красноармейцев из Оренбурга под командованием Блюхера. А спустя некоторое время, стали группами и в одиночку приходить бойцы из Баймакского и Стерлитамакского партизанских отрядов. Был организован и Троицкий отряд. Командование отрядами было поручено Блюхеру. На совещании в штабе сводного отряда было принято решение вести наступление на Верхнеуральск, Миасс и далее на Екатеринбург, на соединение с регулярными частями Красной Армии.

Исходный рубеж для наступления — последняя гряда горного хребта. Раннее июльское утро. Зеркальную гладь озер Малого и Большого Богудака разбили солдатские котелки, кружки и просто фуражки бойцов отряда Южноуральских партизан, сделавших небольшой привал возле озер. Напоив коней, отдохнув, отряд двинулся дальше. Первая рота, где был взвод Евсеева, шла правее Малого Богудака, по направлению к Монастырю. Роту прикрывали с флангов два эскадрона кавалерии. Белые делали слабые попытки помешать продвижению. Несколько раз они начинали конные атаки. Но пулеметный взвод, прямо с марша, даже не разворачиваясь в боевую позицию, разгонял конницу огнем. Тогда белые решили атаковать кавалерию партизан. Во второй половине дня произошел короткий бой двух конниц. Через полчаса, теряя людей и коней, белые отступили. Так в коротких, злых стычках, в орудийной перестрелке, отряд прошел километров десять и окопался.

Смеркалось. На степь, на окопы спускался теплый летний вечер. Спали бойцы, лишь мирно хрустели овсом стреноженные кони, да тихо перекликались часовые. На потемневшем небе засверкали первые звезды...

В полночь отряд получил приказ о наступлении на гору Извоз. Воспользовавшись темнотой, отряд бесшумно снялся и начал переход на новые позиции. Взвод Евсеева замыкал колонну. Перейдя не широкую, но быструю речушку возле Гогинской дачи, рота развернулась цепью и залегла. Осмотрелись. Окопы белых далеко. Поднялись. Двигались к окопам то перебежками, то ползком. Молча. В тишине. До белых — метров двести. Уже видны часовые. Ходят спокойно. Видно спят солдаты. Нужен еще бросок и тогда... Но вдруг предутреннюю тишину разорвало звонкое лошадиное ржанье и лязг цепей. Часовые всполошились, забегали.

— 5 —

— Эх, мать честная! — Кто-то выругался рядом с Евсеевым. — Спугнули пасущихся на лугу лошадей. Ну, сейчас начнется!

И словно в подтверждении этих слов, гулко ударил первый выстрел. Далеко, на левом фланге роты, на фоне желто-розового уже светлого неба, бойцы увидели фигуру командира роты, поднявшегося с земли. На мгновенье он остановился, выбросил вперед правую руку, потом быстро-быстро побежал вверх по склону горы, к линии вражеских окопов. И казавшаяся безлюдною степь вдруг ожила, задвигалась, и черными орущими, свистящими, бегущими, прыгающими тенями надвинулась на гору Извоз. От громового «Ура!» лопнула тишина, разлетелась на гулкие осколки.

Евсеев, когда увидел командира роты с наганом в руке, скорее понял, нежели услышал слова: «в атаку»! Рывком поднялся с земли и на бегу оглянулся. Рядом, вокруг, сзади бежали бойцы. Он слышал их тяжелый топот, прерывистое дыхание. Они так же, как и он, пригнув немного голову, с винтовками наперевес, в едином порыве рвались вперед к окопам врага.

В центре и на левом фланге роты окопы противника были гораздо ближе, чем на правом фланге. Там уже закипела перестрелка, а на правом фланге белые еще не стреляли. Взвод стремительно приближался к первым траншеям врага. Евсеева обуяла тревожная бешеная радость. Куда-то исчезло неприятное чувство страха, нудное сосание под ложечкой. Осталось одно желание: скорей туда, где за замляными валами, ощетинившись сталью штыков, тупыми рылами пулеметов, засел враг. Скорей, вперед, на врага! И повторяя про себя — вперед, вперед! — он летел по склону горы. Рядом бежали его друзья и товарищи. «Давай, жми, Аркаша, Петя!»— кричали они, подбадривая друг друга.

Громко залаял пулемет, защелкали винтовочные выстрелы. Сначала редко, потом будто сотни гибких и длинных плетей стеганули по склону горы, распороли над наступающими степной воздух. Это белые открыли ураганный огонь по правому флангу роты. Цепь наступающих начала быстро редеть. То там, то тут падали люди и неподвижными комочками застывали на черной вытоптанной сотнями ног земле. Убит Аркаша Макаровский. Упал, как будто на бегу споткнулся, Егор Филатов. Бежал, бежал и вдруг остановился Петр Пянзин. Он выпустил винтовку, схватился рукой за грудь и стал медленно опускаться на землю. Оглушительный взрыв раздался в цепи партизан. И на том месте, где только бежал Егор Серов, осталась глубокая воронка. От попадания пули в капсуль взорвалась граната на

— 6 —

поясе Серова. Со стоном падает Петр Сапожников, а рядом с ним, опрокинувшись на спину, лежит Михаил Батуев. Весь склон горы уже усеян убитыми и ранеными. Зина Каширина с санитарной сумкой на боку мечется по полю от раненого к раненому. От роты в живых осталась половина. Они прорвались сквозь огонь к окопам врага и стали забрасывать их гранатами, расстреливать в упор. Вспыхнул кое-где рукопашный бой. И не выдержал враг натиска, покатился, побежал, бросая винтовки, пулеметы. Бойцы, не останавливаясь, перемахнули вражеские траншеи — и вслед за врагом. Но вдруг по наступающим хлестнул фланговый огонь.

Группа белых, в количестве двенадцати солдат, засела в одном из окопчиков и стала прицельным огнем расстреливать бойцов, выскакивающих на бруствер окопов. Минут через десять выстрелы из окопа прекратились. Глухонемой партизан, по имени Степан, с двумя партизанами зашел в тыл и ликвидировал группу. Степан, раненый до этого в обе руки, нашел в себе силы и заколол штыком двух белогвардейцев, а третьего пристрелил. С остальными расправились его товарищи.

Об этом Евсеев узнал уже после боя, когда он лежал рядом со Степаном на санитарной повозке. Во время боя Евсеев бежал по склону горы, вдоль вражеского окопа и кидал туда гранаты, огнем добивая белых. И вдруг острый, раскаленный бурав впился в левую ногу, намного выше колена. По инерции Евсеев наступил на нее и с криком упал. Упал навзничь и на какое-то время помутилось сознание. Потом очнулся. Сел. Вокруг было тихо. Бой гремел далеко, на противоположных склонах Извоз-горы. Гонят белых! — облегченно вздохнул Евсеев и тут только увидел, что сидит в луже крови. Из раны струйкой стекала кровь. Евсеев снял рубашку, разорвал ее на ленты, перевязал рану и, опираясь на винтовку, заковылял в сторону затухающего боя...

На поселке имени Крылова, в тихом зеленом переулке, стоит белый большой дом. Здесь живет подполковник в отставке, участник гражданской войны, участник боя на горе Извоз Петр Михайлович Евсеев. Много лет прошло с тех пор. Но по-прежнему Петр Михайлович в строю. Он теперь воюет за сохранность родной природы, за то, чтобы город был сплошным зеленым садом. Он возглавляет общество охраны природы.

Примечание автора.

История не сохранила текст речи Ивана Каширина. В рассказе она записана со слов Петра Михайловича Евсеева, участника тех событий.